

РАХМАН БАДАЛОВ

МУДРОСТЬ СМЕРТИ

18+

Рахман Агагусейн оглу Бадалов

Мудрость смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918261

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга состоит из трёх эссе, название одного из которых вынесено в заглавие всей книги. Сквозная тема книги: «уязвимость против силы», мужество оставаться слабым и ранимым, вопреки бремени ложных нарративов исторического времени. Книга рассчитана на читателей, способных сомневаться, разочаровываться, думать, чувствовать, искать.

Содержание

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СТРОК

4

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Рахман Бадалов

Мудрость смерти

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СТРОК

Три эссе, объединённые под одной обложкой, написаны в разные годы: 2007, 2018, 2019.

В каждом из эссе есть одно ключевое слово: в первом – время, во втором – уязвимость, в третьем – смерть.

Под временем, прежде всего, имею в виду парадоксы времени, его неравность самому слову, его пределы, в которых его невозможно удержать, его разрывы, грозящие разрушить само понятие время, его сложные взаимодействия с хронологическим временем, его сложные взаимодействия с историческим временем, его вечное бремя для человека, когда каждое мгновение отмеряет срок его жизни и звучит как набат по его жизни, в то же время, спасительное свёртывание времени, когда человек испытывает восторг от того, что встречаются все времена сразу, или когда испытывает восторг при встрече с другим, с другой, и время вдруг останавливается, или когда наступает мудрость принятия своей судьбы, когда

время перестаёт пугать, перестаёт быть зловещим, остановлюсь, чтобы само время не высмеяло мои потуги.

Под уязвимостью, прежде всего, имеется в виду чувство, предчувство, мысль, предмысль, убеждённость, сомнение, преодоление сомнения, от прозрения нового исторического вектора, едва заметного, едва заявляющего о себе, прав – не прав, прав – не прав, постепенная, пока не очень заметная, но если поверить, если захотеть поверить, всё более отчётливая, смена парадигм человеческого существования, от силы к слабости, от силы к уязвимости, сила никогда не исчезнет, во все времена человек, мужчина или женщина, ударит другого человека, во все времена человек, мужчина или женщина, ударит кулаком по столу, разобьёт тарелку, накричит, оскорбит, но, главное, сила перестаёт быть доминирующей, сила перестаёт быть всесильной, наконец, рискну предположить, не долго осталось, обесмыслится присказка: «сила есть – ума не надо».

Под смертью понимаю смерть, можно больше ничего не добавлять, проблемы начинаются с того, что название одного из эссе мудрость смерти, вынесено в заглавие всей книги, мудрость смерти становится претензией на мою мудрость, на то, что способен сказать нечто такое, что не говорили другие, но это не так, не могу удержаться от проклятий в адрес смерти, не я первый, не я последний, из тех, кто оказался в таком положении, даже глубоко религиозные люди при смерти близких, особенно в тех случаях, когда наруша-

ется извечный порядок жизни и смерти, сбивались на проклятия в адрес Всесильного, при молчаливом попустительстве которого происходят эти преждевременные смерти, вот и в моём случае, жена, внучка вместе прожили меньше, чем я, их нет, я продолжаю жить, разрыв растёт, о какой мудрости можно говорить, вспоминаю как один светлый человек, которого недавно не стало, как-то очень доверительно, как на исповеди, сказал мне, Тот, кого мы принимали за Бога, на самом деле оказался Дьяволом, не стал спорить, не мог согласиться, не мог не согласиться, просто промолчал, а сейчас просто предупреждаю читателя, который клюнет на эффектное название, не ожидайте прозрений, я не мудрец, я не пророк, обычный смертный, говорю мудрость, просто потому что всё реже подступает «арзамасский ужас», боль никуда не ушла, она просто затихла, притаилась, порой подступает так, что перехватывает дыхание, потом отступает, живу, общаюсь, пишу, воодушевляюсь, чему-то радуюсь, стараюсь идти навстречу неизбежному, если не с радостью, то без истерики, с возможным для меня, насколько хватает мудрости, успокоением.

Сверхзадачу этой книжки, в которой собраны три моих эссе, вижу в том, чтобы у читателя возникло ответное чувство и ответное воображение, чтобы читатель открыл свои связи между тем, что я назвал время, между тем, что я назвал уязвимость, и тем итоговим, что я назвал смерть.

ВРЕМЯ, ЗАСТРЯВШЕЕ В УГЛУ,

ГДЕ СКАПЛИВАЕТСЯ ПЫЛЬ

«Я развлекаюсь, пытаюсь завести свои часы, – они стоят. Нет ничего удивительного, что они, в конце концов, остановились, в последнее время я только и делал, что переставлял их то вперёд, то назад, то вперёд, то назад.»

Кнут Гамсун

Из книги путешествий по России, Грузии и Азербайджану в сентябре 1899 года.

Время – дракон о трёх головах

Отрубаю прошлое отрубаю

будущее отрубаю настоящее

Тофик Агаев

Вместо предисловия: время

Мы придумали время или время придумало нас? Мы для него или оно для нас? Кто знает? Мы внутри него, а оно внутри нас. И нет точки обзора, точки отсчёта, чтобы посмотреть на нас без него и на него без нас.

Может быть правы великие, время дано нам априори как нематериальная материя созидания, движения, познания, взаимодействия. Как и пространство, время которого только

начинается после истории человека. Время пространства.

Но немислимая текучесть времени не может не рождать подозрение, что время только видимость, чистый фантом. Для удобства можно уподобить время потоку воды, поскольку нам не известен более изменчивый и подвижный материал. Но кто ответит, что отстукивают наши обычные часы, что процеживается через узкое горлышко песочных часов?

И семантика слова «время» не равна самой себе. Она расползается, рассыпается на несопоставимые составляющие: время жизни, время смерти, время иллюзий, время восторга, время печали, время разбрасывать камни, время собирать камни. Потом попробуй, собери их в единое слово. «Время».

Время всегда разное. Утром и вечером, весной и зимой, в будни и праздники, в молодости и в старости, в здоровье и в болезни.

Оно разное в одной части света и в другой, в одной стране и в другой стране, в горах и на равнине, в городе и в деревне.

Оно разное внутри одного времени, внутри одного города, внутри одной комнаты, в её углу, где скапливается пыль, и в её проходах, где сквозит.

Время может сквозить и сквозить, преодолевая любые преграды, а потом зацепиться за что-то и долго-долго не двигаться с места.

Пока не вырвется на простор.

Время имеет свои ритмы, свои приливы и отливы, свои магистрали и обочины, прямые пути и зигзаги.

Время может тормозиться и убыстряться, растягиваться и сжиматься, взрываться и глохнуть, скакать в бешеных синкопах и монотонно петлять круг за кругом.

Время одной культуры отличается от времени другой культуры, время зарождения феномена культуры отличается от времени заката этого же феномена.

Время разное в начале века и в его конце. Оно разное в одном летоисчислении и в другом.

Время разное в вере и в безверии, в страсти и бесстрастии, в творческом вдохновении и творческом бесплодии. Оно разное у человека одержимого и человека равнодушно-го.

Время разное в книге и в жизни, в искусстве и в реальности, в снах и в яви, в экстазе и в унынии, в пророчестве и в смирении. Оно разное в пророчестве восторженном и зловещем, в смирении вызывающе фарисейском и истинно просветлённом.

Время разное в высказывании и в молчании, в дружеской беседе и в одиночества, оно разное в одиночестве покинутости и в одиночестве сосредоточенности.

Время неизмеримо разное в любви и в её отсутствии. Оно разное в разделённой любви и в любви отвергнутой. Оно разное в любви мужчины и в любви женщины.

Все мы живём во времени, все мы живём временем. Все. И каждый из нас. И любой коллектив, любая общность. Семья, общество, этнос, нация, человечество.

Все мы. Всегда.

И когда сдаёмся ему на милость, и оно растлевает нас изнутри, безжалостно и беспощадно.

И когда счастливо останавливаем мгновение в упоении и в восторге, на время освободившись от бремени времени.

И когда в невинном неведении детства ещё не соприкоснулись с его невероятной тяжестью.

И когда трусливо прячемся от него в безвольной надежде, что пронесёт, что время всё решит за нас.

И когда нам удаётся ваять из него нашу собственную жизнь, достигая внутренней раскрепощённости и свободы.

«Считай будущее пришедшим» – говорилось в одной из древних тюркских «Огуз-наме». Иначе, не бойся будущего, иди ему навстречу, и оно перестанет быть столь зловещим.

Время может подгонять нас и удерживать, провоцировать на поступки и пугать последствиями, утешать иллюзиями и развенчивать эти иллюзии. Оно может показаться равномерно-инерционным, не зависимым от нас, не считающимся с нами, а может оказаться относительно-пульсирующим, подчиняясь тому, как мы настроены и что способны воспринять.

Время сопротивляется любым персонификациям. Время и вода, и свет, и линия, и просто отзвук. Оно – дракон с множеством голов, отрубишь одно, вырастает два. Но чтобы с ним справиться, мы наделили его всего тремя головами. Вчера, сегодня, завтра. Прошое, настоящее, будущее. В них нам удалось распознать себя во времени. С их помощью мы

попытались гармонизировать себя в мире и мир в себе.

Вариантов здесь множество, бесчисленное множество.

Стремишься найти гармонию между прошлым, настоящим и будущим, но каждый раз обнаруживаешь перекося, перекос, то прошлое так и норовит потянуть резко вспять, то будущее заносит резко вперёд.

Хочешь определить норму гармонии и отличить её от дисгармонии, но время размывает все границы, отклонение от нормы вдруг оказывается нормой, а патология перестаёт быть патологией.

Я остался в прошлом, сначала от отчаяния, от растерянности, от неодолимости потери, потом от нежелания примириться, подчиниться, привыкнуть, от нежелания что-то менять, извне будут говорить «это опасно», «освободи настоящее и будущее от прошлого», «прорвись к настоящему», не слышу, не хочу слышать, может быть, втайне надеясь на время, на его всесильность, и кто может сказать, где здесь норма, а где отклонение от нормы?

Он жил как певчий дрозд, встретил, помчался, успел, заглянул, поздравил, улыбнулся, обманул, подвёл, придумал, повинулся, дождался, обиделся, простил, обрадовался, встретил, помчался, и вот, на тебе, бац, попал под машину, разбился на смерть.

Скажут, надо было вовремя задуматься, не транжирить время, не захотел жертвовать, не освободил будущее от настоящего, от его невыносимых сцеплений, вот результат. Всё

что осталось от него, забитый на стене гвоздь. Но кто знает, мало это или много? Гвоздь на стене.

Кафка говорит, что еврейский мальчик уже старик, вынужден быть стариком, прошлое предков заставляет его остерегаться будущего, быть готовым к любой непредвиденности в будущем.

Как освободить будущее этого мальчика от опасности, как сделать так, чтобы этот мальчик не вызывал неприязни у сверстников, как добиться, чтобы ему не приходилось принимать ответных мер безопасности, как разорвать этот порочный круг, чтобы этот мальчик, как и миллионы других детей всех народов мира оставались просто детьми, взбалмошными, непредсказуемыми и легкомысленными?

Время задаёт загадки, разгадать которые невозможно. Но невозможно и не разгадывать.

Как невозможно отгадать судьбу и невозможно её не отгадывать.

Один из способов отгадывания извечен в этом мире. Рассказ о себе, о том, откуда ты, о том, что тебя окружает.

В надежде быть услышанным в своём времени.

Или после него.

Тема.

Если отбросить нормальную человеческую отягощённость суетным, то цель моя проста и недвусмысленна: из данной культуры, из данной традиции, из данной жизни, на

немыслимом перекрёстке дорог и идей, в мысленном, синхронном срезе раскрыться, прокричать, прошептать, промолчать миру о нас, живущих, пытающихся, как правило, не слышимых, как правило, не умеющих сказать.

Интересны ли мы миру, если нам место в кооперативном культурном опыте, с которым человечество вошло в XXI век?

Или мы должны посторониться, уступить место другим?

Общегуманитарное «да», все нужны, все важны, если есть свой язык, свой миф, значит есть своя космическая картина мира, на величину любой потери ослабляется наша общая способность к выживанию, безвозвратно исчезает некий универсальный естественнонаучный закон и общечеловеческие гуманитарно-духовные традиции, убедительно, справедливо, но при этом остаётся общим местом.

Конечно «да», колокол звонит по всем нам, по каждому из нас, невозможно примириться с тем, что уже исчезли и исчезают многие языки и мифы, сделав нас преснее и художнее, амбициознее и агрессивнее, но как остановить этот процесс, что можно сделать, чтобы переломить ситуацию?

Конечно, «да», но народы исчезли и продолжают исчезать, не все выживают, не все приспособляются, и с этим приходится считаться. Пусть мы столкнулись, убедились, догадались, что эти «отсталые», «не могущие», нередко лучше «цивилизованных» хранят свои мифы, лучше понимают и переживают символический язык, экологически более кор-

ректны, но многое из того, что родилось временем и во времени оказалось им не по плечу. Так уж случилось – не будем искать виновных – что их выживание, или скажем жёстче, их сохранение зависит от «цивилизованных» народов, от тех, кто научился жить в изменчивом времени. А выбор цивилизации для «отсталых» ограничен: гетто, лепрозории, резервация, в лучшем случае национальный парк или иные охранительно-музейные формы.

Остановимся в молчании...

А если не отсталые и не цивилизованные?

Как быть с теми, кто «между»?

Как быть с ними?

Как быть с нами?

Опасность разрушения и исчезновения нависла сегодня и над ними, кто «между», кто постоянно переводит часы так часто, что они вообще могут перестать ходить.

Неслышимо, неявно и по ним звучит набат, и по ним звучит колокол. Различать звуки этого набата, различать звуки этого колокола необходимо, хотя мир, цивилизация, ещё не научились распознавать «размытых», внешне благополучных, но внутренне надломленных, разрушенных, продолжающих разрушаться под бременем жестокого времени.

Бог не делит нас на избранных и отсталых.

Природа не в состоянии сохранить все свои виды, одни виды исчезают, другие мутируют, чтобы приспособиться к новым условиям. У природы нет плохой погоды, у природы

нет экологических проблем.

Человек, человечество, придумало и плохую погоду, и полезные и бесполезные виды растений и животных. Пока не столкнулось с острейшими экологическими проблемами.

Подобное произошло и в отношении к народам. Просвещенческий вандализм провел жёсткую демаркацию между просвещёнными и не просвещёнными народами.

Пока не наступило отрезвление, пока не стала стучать в висок боль за любое потерянное племя. Следовательно, за любой культурный код.

Пока не пришло понимание общепланетарной судьбы народов.

Бог не делит нас на избранных и отсталых.

Без глубокого осознания этого само человечество рано или поздно обнаружит свою эфемерность. Смертельную опасность бесконечной игры в бисер.

Мы

Но как живут в данном «немыслимом перекрёстке дорог и идей»?

Следует сохранять живущих здесь, или они способны сохранить себя сами?

Здесь застряли в прошлом, или способны к рациональному поведению в настоящем?

Здесь больше «цивилизации» или больше «традиций», больше «традиций» или больше «архаики»?

Здесь открыты миру, открыты изнутри, из собственных традиций, или закрыты, спрятаны, не умея, не желая соприкоснуться, взаимодействовать с миром вокруг, боясь, осознанно или бессознательно, что изменяясь, не удастся сохранить себя?

Отвечать на эти вопросы необходимо и для этого народа, и для мира в целом, потому что современный мир – это и первый мир, и третий мир, и четвертый, пятый, десятый.

К образу «перекрёстка дорог и идей», можно добавить мост, мосты, отовсюду и во все концы. Сразу возникает тема, подобная музыкальной теме, способная варьировать, звучать в разных регистрах, рождающая не только благозвучие, но и диссонансы. Ведь мост – метафора посредничества, сведения, медиации. Но на мосте не живут, его не обживают, через него проходят в ту или другую сторону.

Мосты и дороги пронизывают эту культуру, они идут с Востока на Запад и с Запада на Восток, с Севера на Юг и с Юга на Север, из Азии в Европу и из Европы в Азию, оставляя свои следы, своих приверженцев, оставляя атмосферу вечной неуверенности, вечного «между».

Это мусульманская страна с мусульманскими традициями, с мусульманскими ритуалами, но одновременно мост между Исламом и Христианством, не только потому, что здесь жили и живут христиане, не только потому, что христианство воспринимается здесь как часть собственной истории, но и как потенциальная возможность медиации меж-

ду Исламом и Христианством.

Это мусульманская страна, но противопоставление между Ираном и Тураном, не столько историческое, сколько мифологическое, оставило здесь свой глубокий след, и всполохи его возникают то в одном времени, то в другом.

Это мусульманская страна, но зороастрийские идеи здесь подспудно жили всегда и продолжают жить сегодня, живут в географии, живут в самой огнедышащей реальности, живут в почитании огня, живут даже в распространённых здесь астрологических причудах.

Здесь типичная история народа, разделённого геополитикой, не осмеливающегося нарушить правила Большого Мира. Разделённый народ постепенно превращается в «два народа», которые хотя и тянутся друг к другу, но опасаются этой встречи, опасаются, что воочию выяснится, что уже давно они не один, а два народа.

Здесь «большая нефть» и «большая труба» манят, гипнотизируют, обещают райскую жизнь в будущем, но так и не покидает предчувствие грозящей беды: сколько раз из-за этой «большой нефти» попадали в круговерть кровавых игр. Чёрное и Красное, чёрное со всполохами красного, давно стали зловещим символом этой страны и этого народа.

Только и остаётся отказаться от собственной истории, признать себя сторонними зрителями в хитросплетениях Большой Политики. И унизительно радоваться отгадыванию чужих сценариев.

Здесь одни ищут своё прошлое, раздувают его как воздушный шар, то ли боясь, что иначе не заметят другие, то ли, чтобы подняться в собственных глазах, другие в брезгливости отворачиваются от него, выкорчёвывают из себя его остатки, включая родной язык, бегут от него подальше, в Европу, где «сладкая жизнь» и ласкающая душу стерильность. А если не удаётся, то просто прячутся дома, отрубая голову у прошлого и будущего, останавливают время и придумывают себе гипнотические игры вне времени.

Здесь странным образом сочетаются современность и средневековье, современные нравы и патриархальная косность, промышленный бум в прошлом и вконец остановившееся производство в настоящем. Лоск элиты соседствует здесь с жизнью беженцев в палатках, антисанитария с компьютерами, пустивший глубокие корни трайбализм с несмелой демократической печатью.

Здесь прошлое и настоящее разрывают друг друга. Здесь мифологизируя прошлое, мифологизируют будущее, а в настоящем пытаются жить вне времени, вне его законов и правил, вне его духовных поисков. Тогда и наступает разочарование во всём, обида на весь мир, только и остаётся приписать миру все существующие пороки, двойные стандарты, обман, подкуп, уловки, лицемерие.

В этих условиях мост медиации может превратиться в дорогу ниоткуда и никуда. Открытость к различным идеям, облучающим с разных сторон, может выработать привычку к

приспособленчеству, к мимикрии. Время может сузиться до «пятидневного мира» (beş günlük dünya) как говорят здесь, а если мир состоит из пяти дней, то стоит ли думать о прошлом и будущем, не лучше ли жить «пятидневным миром» здесь и сейчас. Но почему-то этот «пятидневный мир» рождает не беззаботность, а постоянную отягощённость, уныние, натужность, почему-то это настоящее без прошлого и будущего только калечит и сокращает жизнь.

Развязать этот «гордиев узел» практически невозможно, разрубить не хватает воли и решительности, вот и раскачивается маятник между завышенной самооценкой и безжалостным самобичеванием, между верой и безверием, надеждой и отчаянием.

А если не хватает сил развязать, разрубить, то только и остаётся прокричать, прошептать, промолчать.

Контекст

Известный учёный, москвич, этнический таджик в размеренной, медиативной манере, тихим, спокойным голосом убеждал аудиторию, что народы делятся на «пассионариев духа» и «пассионариев перемещения в пространстве».

Это был более изошрённый вариант другого, весьма живучего мифа о том, что есть народы, которые засевают землю, строят храмы, собирают рукописи, а есть другие народы, которые приходят, вытаптывают землю, разрушают храмы, сжигают рукописи. Миф, выдающий себя за историю.

Известному учёному я задал простой вопрос: жёсткая демаркация между типами «пассионарности» складывается в историческом времени или существует вне времени? Учёный нехотя и как бы равнодушно ответил, что время здесь не при чем. Как бы предполагая, что всё предопределено (кем?). Других вопросов я не задавал, осталась недоговорённость, что-то меня смущало, но что, тогда я так и не вспомнил.

Только поздно вечером – ба – вспомнил. Конечно, после драки кулаками не машут. Но бог с ним, с этим известным учёным. Главное, разобраться в сути, и трезвыми глазами посмотреть на самих себя...

...Когда-то над человеком не довлекло время. Прошлое было так далеко, что временем не измерить. Даже не прошлое, просто до-время, до – всего. Из него всё началось, в нём всё вылупилось целиком, как Афина из головы Зевса. И предметы, и слова, и поступки, и правила жизни. Всё, из чего состоит жизнь. А если случались несчастья, это означало только одно – нарушение того, что открылось в до-времени, пра-времени. Произошла порча, осталось её исправить, чтобы вернуться в мир, над которым время не властно.

Гильгамеш, возможно, первый возвестил миру о конце безоглядной веры в до-время. Он был сильнее всех людей и кичился своим могуществом. Он возомнил о себе, как о боге. А был лишь смертным. Вот и пришлось ему расставаться с иллюзиями, терять друзей, содрогаться от ужаса собствен-

ной смерти и после долгих странствий возвращаться домой побитым и униженным.

Возвращаться человеком, живущим, в реальном мире.

Эстафету Гильгамеша подхватили многие, но, прежде всего, Прометей у древних греков. Вот кто действительно взбаламутил, взбудоражил, растормошил сонно-прозябающих людей.

Он отправил их за доблестью и славой, но без бессмертия, прерогативы богов, и без гарантии, что каждому смертному удастся завоевать эту доблесть и честь.

Он заставил людей жить под набатами времени, убеждая, что у них нет иной альтернативы.

Возможно, именно Прометей обрёл их на трагическое само-стояние, обрёл на то, что Симона Вейль определила, как способность противостоять силе, ощущать трагизм этого противостояния. Но не сомневаться в своём выборе, поскольку нет другого способа не быть раздавленным временем, обстоятельствами, судьбой.

Позже, практически в одно и то же время в разных точках земного шара у разных народов произошло духовное прозрение, прорыв, высвобождение из времени, равного самому себе.

Задумавшись над этим одновременным прозрением, немецкий философ Карл Ясперс не смог скрыть своего удивления:

«человек осознаёт бытие в целом, самого себя и свои гра-

ницы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения».

К. Ясперс посчитал, что от духовных прозрений Китая, Индии, Персии, Палестины и Эллады этого периода ведут своё начало все религии и все философские системы современности.

Действительно, человек впервые ощутил себя в мире, где всё необратимо, неповторимо и потому уникально. Мир человека навсегда стал хрупким и утончённым, нежным и ранимым, гибким и стойким в своей гибкости. Печаль уходящего стала сопутствовать полноте пребывания. Открыв смерть, человек заново открыл красоту жизни.

Вся культура человека с этих пор стала с одной стороны «поиском утраченного времени», а с другой попыткой научиться жить в этом вечно уходящим, убегающем времени. С тех самых пор возникла и стала углубляться граница между общественными системами, сакрализирующими до-время, пра-время, и предзаданное поведение, и общественными системами, где время вечный дракон с тремя головами.

Но как бы не углублялась эта демаркация, она размывалась вновь и вновь. Одни продолжали искать «град божий» и охранять нас от «каиновых напастей», другие звали назад к природе, пытаясь «реабилитировать дикаря», третьи обращались к сакральной Книге, убеждённые, что её правила не подвластны времени, четвертые, пятые десятилетия, демаркация

всё возникала и всё размывалась, а святые и безумцы сходились и расходились вновь и вновь.

Красивая теория, названная К. Ясперсом «осевым временем», оказалась не столько научной теорией, сколько интеллектуальной поэмой о величии человеческого духа перед лицом бездны, в которую он заглянул, ужаснулся, но выстоял.

Но К. Ясперс не ограничился красивой интеллектуальной поэмой, он решил, что он учёный и проповедник в одном лице. Удивление сменилось назиданием, восторг – приговором, красивая интеллектуальная гипотеза – тестом отбраковки народов: «все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые – исторические народы, вторые – народы первобытные» (Вы не забыли витиеватые слова московского учёного?).

Самое время вернуться к пассионарности.

Общеизвестно, что термин «пассионарность», «пассионарии» введён в обиход русским мыслителем Львом Гумилёвым, для характеристики ландшафтной истории этноса. Пассионарии – это люди особого психического склада, особой энергетики, способные разорвать границы своего времени, даже ценой самопожертвования. Они создают этнос, они его формируют и направляют, они сохраняют пассионарность и при затухании этноса («яркого, как румянец у чахоточного», говоря словами поэта).

Пассионариями, в зависимости от времени и стадии раз-

вития этноса, могут оказаться полководцы и проповедники, мыслители и художники. Для Л. Гумилёва и этносы, и пассионарии – явление не историческое, а космическое, природно-ландшафтное.

Л. Гумилёв создал красивую интеллектуальную поэму об этносах (не случайно, сын великого поэта), которая с тех пор стала мощно подпитывать мировую интеллектуальную мысль. Даже в тех случаях, когда с Л. Гумилёвым не соглашались.

Но теория (поэма) Л. Гумилёва и теория (поэма) К. Ясперса оказались взаимоисключающими (в не в эвклидовой системе отсчёта – взаимодополнительными). Л. Гумилёв никак не мог согласиться с тем, что пять народов оказали благодетельное влияние остальному человечеству, что «осевое время» обрекло народы на вечный экзамен, который не все смогли сдать.

Бог не делит нас на избранных и отсталых.

Если уж судить о народах, то только с точки зрения космически-природно-географически-ландшафтной среды. Таков пафос мысли Л. Гумилёва.

Горький парадокс: и Карл Ясперс, и Лев Гумилёв, убеждённые гуманисты, пострадали от двух наиболее жестоких тиранических режимов XX века, фашизма и коммунизма, которые как раз вознамерились разделить расы и народы на «высшие» и «низшие». И кто сегодня способен отгадать, где и как возникают жестокие, репрессивные режимы, в космосе, в истории, или в глубинах нашего высокомерия.

Вы обратили внимание, в чём состояла манипуляция известного учёного? Термин Л. Гумилёва, принципиально не принимающего разделение народов на «цивилизованных и отсталых», был использован ... для разделения на «духовных и «бездуховных», отсталость которых predetermined. Расизм, обёрнутый в изошрённые теоретические покровы.

Но ... не знаю, как у вас, а у меня не выходят из головы эти «пассионарии пространства».

Вновь повторю, бог с ним, с маститым учёным. Не в этом дело. Да, ничего нет в мире изначального и абсолютного, любое деление придумано нами, но действительно, там, где меньше духовности, больше мельтешения.

Речь не о кочевниках и кочевничестве как типе жизни. Любой здравомыслящий человек поразится их особой духовности. Всё на колёсах, всё верхом, и быт, и социум, и искусство, и политика, и любовь, и смерть. Всё должно разбираться и собираться, вновь и вновь. Особая брутальность жизни. Мощная пассионарность. При этом изысканно-орнаментальная эстетика и высокая экологическая этика – никакого ущерба природе. Невольно подумаешь, что философия «кочевничества» не столько прошлое, сколько будущее человечества. Одним словом, дело не кочевничестве.

Дело в другом.

Там, где всё меньше от Гильгамеша и Прометея, от трагического вызова судьбе, где всё меньше от хрупкости, нежности, от печали по необратимому времени, там остаётся толь-

ко одна внешняя активность. Ни поражения, ни побед. Одна только нужда, которая гонит и гонит вперёд. Только страх перед этой нуждой. Одно только желание забежать за время, спрятаться от него.

Как-то, выступая по национальному ТВ, я говорил о том, что нет у нас оснований стыдиться наших соотечественников, торгующих на бескрайних просторах России. У них хватило предприимчивости и решительности двинуться в неизвестное, чтобы прокормить свои семьи. Они трудятся в поте лица, и только наивный человек может решить, что на рынках России «сладкая жизнь». Не будем бросать в них камни.

Но кто же они, тысячи и тысячи азербайджанцев, переместившиеся в холодную северную страну.

Пассионарии?

А может быть жертвы, которые так и остались «между», повисли над пропастью, не способные сдвинуться с места. Хватит ли им мужества заглянуть в бездну собственной жизни, чтобы духовно прозреть?

Смогут ли они осознать трагизм и величие собственного положения?

Станут ли они ядром нового этноса, способного, побеждая пространство, вырваться на простор из тисков остановившегося времени?

Застрявшего в углу, где скапливается пыль.

А может быть они сопровождают мемориальную фазу жизни этноса?

Не справившись с жестоким временем, они прячутся в забвении воспоминаний о прошлом, которое всё больше исчезает в дымке времён.

... на перекрёстке дорог и идей

Он вернулся в Азербайджан после окончания Московского Университета. Мог не вернуться.

Во-первых, учился блестяще, предлагали остаться, были все основания остаться.

Во-вторых, женщина. Более других просила остаться.

Он не согласился, просветительский «зуд» звал его домой, он уехал, она осталась. Не всякая женщина согласится поехать из «цивилизации» в «архаику».

Он вернулся. Взял себе псевдоним Зардаби, по названию местности, из которой был родом. И, возможно сам того не ведая, попытался взорвать изнутри сонно-текущее время захолустной жизни.

Позже он напишет серию статей, назвав их «Письма из захолустья». Но, по существу, весь Азербайджан был тогда захолустьем. Кто-то возразит, как так, страна древней культуры, и вдруг «захолустье». По поводу древней культуры спорить не буду, хотя, признаюсь, не очень понимаю, что означает «древняя».

Во всех случаях, не трудно вообразить «захолустье» с «древней» культурой, уходящей в до-время, в пра-время. Вообще «захолустье» совсем не означает мрак, голод, отсут-

ствие нравственности, всеобщую вражду. Просто тип жизни в конкретном историческом времени.

Не будем спорить. Достаточно просто подсчитать, сколько было тогда у нас городов, сколько было школ, сколько было газет, сколько было образованных людей, и это будет самый серьёзный аргумент. Даже о Баку, будущем центре цивилизации и культуры страны, Зардаби в то время писал, как о «богом забытой земле».

Но есть ещё один фактор, без которого выхолащивается суть того, что сделал Зардаби. Просветитель Зардаби вносит в азербайджанскую культуру точку обзора, зеркало, в которое теперь можно и придётся смотреть. Это переворот, подобный потери девственности. Назад к мирной, убаюкивающей жизни, которая течёт в размеренных берегах традиций предков, уже невозможно. Только если в уродливых, гротескных формах.

Зардаби не просто вернулся домой. Он вернулся с намерением поменять всё в своей стране.

Всё, и нравы, и способы управления, и сорта растений, и породы животных.

Всё, и способ жить, и способ мыслить.

Жить не так как завещали предки, а как требует того время, которое и должно было взорвать захолустье. По крайней мере, в городах. По крайней мере, в главном городе «захолустья».

Зардаби был просветитель в эпоху Просвещения и этим

многое сказано. Просветители того времени верили, что Просвещение открыло архимедову точку опоры, способную перевернуть весь мир. Способную сделать любое «захолустье» просвещённым. Верил в это и Зардаби.

Несомненно, Зардаби удалось сделать поразительно много. Первая газета, первая светская школа, прорыв в женском образовании, прорыв в городском самоуправлении. Многое другое. Но удалось ли ему сдвинуть с мёртвой точки «захолустное время»?

Что можно было сделать в тех условиях?

Каковы оказались последствия сделанного?

Вопросы трудные, вопросы на все времена. Вопросы, которые сеют сомнения, вопросы, которые вносят растерянность.

Только об одном можно говорить с большей или меньшей уверенностью, отныне каждый шаг наш станет историческим, не в том смысле, что каждый наш шаг станет значительным. А в том смысле, что изменилась точка отсчёта, место традиций предков, место до-время и пра-время, время без времени, неподвижное время неизменных постулатов для мысли и для поступков, заняло время как таковое, подвижное время, подвижное, благодаря перманентным импульсам извне и изнутри, отныне каждый шаг наш станет историческим в силу того, что будет менять ракурс.

И снова, и снова, придётся отвечать на старые и на новые вопросы, как вытекающие один из другого. И мы по-новому

будем воспринимать происшедшее в Азербайджане во второй половине XIX века, и в том, что происходило в Азербайджане до XIX века, и что происходило после XIX века, но, прежде всего, происшедшее в Азербайджане, во второй половине XIX века.

Зардаби можно назвать пассионарием духа.

За последовательность, упорство, неистовство.

И ещё за жёсткость, резкость, колючесть.

Не так-то просто столкнуть время с мёртвой точки. Поэтому выбрал схватку, противоборство, без каких-либо уступок. Естественно, должен был получать удары, и получал их слева и справа, от своих и чужих, от власти и от народа, везде, где посмел потревожить «захолустное» время.

Потом, когда умер, похороны оказались не просто пышными и продолжительными, многоязыкими и многоконфессиональными. Конечно, дань уважения. Но если чуть поменять ракурс, встретились различные времена, которые Зардаби поставил лицом к лицу. По календарю было начало XX века (сколько времени прошло с тех пор?), но здесь встретились разные времена, разные народы, разные языки, разные культуры.

Перед лицом смерти великого человека они замерли в почтительном молчании, чтобы потом разойтись в разные стороны. Если только не взорваться и не ополчиться друг на друга. Время замерло на перекрёстке дорог и идей, чтобы уже в следующее мгновение прийти в непредсказуемое дви-

жение.

Деяния Зардаби я бы сравнил с деяниями Прометея и это не просто риторика, не просто пафос. Дело в масштабе деяний и в трагизме результата. Представьте себе Прометея, который разбудил мирно спящих людей, а потом вдруг оказалось, что «разбуженные» люди перегрызли друг другу глотки. Именно в этом смысле я сравниваю Зардаби с древнегреческим титаном. Масштабные изменения, которые во многом опошлись в реальном времени.

Теперь, по прошествии стольких времён, мы уже знаем масштаб этих опошлений в различных временах. «Захолустное время» оказалось более живучим, чем могло показаться Зардаби. Мы так и не научились практиковать сложность жизни, так и не научились публичной свободе, так и не научились рациональным процедурам по поводу общественно-го договора.

Во многом мы остались в плену мифологических грёз, коллективных упований, сброса «больных» мыслей и чувств на внешних и внутренних врагов. По-прежнему остались не готовыми к само-стоянию.

Во многом мы остались в «захолустном времени», но теперь уже растревоженном, лишённом спасительной инерции захолустья.

Так что же, обвиним во всём нашего Прометея, который растормошил нас, сонно-прозябающих, заставил жить под набатами времени. Нет и ещё раз нет. И не только потому,

что нет альтернативы «выходу из захолустья», может быть, только если глобальный мир придумает новые планетарные резервации.

Нет, прежде всего потому, что «после Зардаби» выяснилось, что у нас немало тех, кто оказался готов к трагическому само-стоянию. Мы заболтали их деяния риторикой «служения народу», но дело было как раз в том, что они оказались «пассионариями духа», они никому не «служили», «народу» в том числе, они встали во весь рост, чтобы осуществить себя вопреки требованиям «захолустного времени».

Их оказалось на удивление много, по крайней мере, трое из них получили статус Мирзы, то ли как признание их учёности, то ли как признание того, что они являются предводителями.

Они были разные. Один – Мирза Фатали – был степенный и почти невозмутимый, он мог позволить себе издеваться над самими «звёздами», определяющими судьбу человека, он создал комическую галерею национальных типов, к которым, за все эти годы, кажется, нечего и прибавить.

Второй, – Мирза Алекпер – был едким и жёлчным, преодолевая немощь, он яростно обрушивался на всё косное и застойное, его «Хоп-хоп-намэ» могли счесть за пасквиль, но парадоксальным образом его признали почти народным поэтом, то ли музыка его стихов была сродни фольклорной, то ли его воспринимали как дервиша, которому всё дозволено.

Третий – Мирза Джалил – был саркастичным и беспощад-

ным, его метафоры «мертвецы» и «сборище сумасшедших» до сих пор стучат нам в висок, его жизненная энергия опрокидывала бастионы фарисейской морали, но по инерции его признали классиком, стараясь не замечать ни его шокирующих фельетонов, ни разительных стрел его «Мола Насреддина», ни пронзительную горечь его трагифарсов.

Все они, и те, кого мы не назвали, а их было поразительно много, создали новую просветительскую символику, которая требует для своей реализации публичного пространства, в котором и происходит вечное расколдовывание мира, вечный выход из захолустья.

Они завещали нам вечную борьбу с захолустьем коллективных мифов и коллективных упований, даже когда покажется, что время окончательно застряло в углу, там, где скапливается пыль.

Они должны остаться в нашей памяти не только как «борцы с захолустьем», но и как титанически-прометеевские люди, способные действовать вопреки, способные на святотатство, способные создать самих себя, преодолевая границы исторического времени.

А заколдованный мир захолустья продолжает сопротивляться новому историческому времени до сих пор...

Вместо заключения.

Мы придумали время или время придумало нас? Мы для него или оно для нас?

Говорят, мы живем в эпоху «post», «после».

После всего. После истории, после модернизма, после национализма.

Даже после времени.

Конечно, время, бегущее мимо нас, никуда не делось. Часы отстукивают астрономическое время, календари помогают не запутаться в смене дней недели, месяца, года. Но эпоха постмодерна, если не отменяет время, то замедляет его настолько, что разные времена насакакивают друг на друга. Сталкиваются в одном пространстве. Поэтому, кажется, что время остановилось.

Растворилось в пространстве.

Время стало пространством.

Пространством современности.

Историческое время, когда каждый шаг осмысляет себя как вытекающий из предыдущего, постепенно отступает под напором международных конвенций и юридических санкций.

Модернизация стала пониматься сугубо технологически, как набор дискретных правил, исключаящих время событий.

Более живучим оказалось время национальных историй, но и они мифологизировались настолько, что давно обходятся без исторического времени, подменяя его игрой в хронологический бисер.

Региональные конфликты, пожалуй, последний всплеск

исторического сознания в национальном обличье, пафос регионального соперничества придаёт им ложную значимость.

Но и это уже анахронизм. Апелляция к прошлому, как аргумент в исторических спорах, становится признаком провинциального сознания. Последней попыткой раздувать собственные амбиции, когда не хватает умения думать и чувствовать, чтобы обнаружить, что просто застрял в углу, где скапливается пыль.

Уже звучат призывы сбросить с себя бремя исторического времени. Особенно среди тех народов, которые давно ощутили невыносимую тяжесть исторического бытия.

Пусть Моисей снова и снова ведёт евреев из плена рабского сознания, «еврейский мальчик» должен оставаться просто мальчиком, испытывающим неподдельную радость от невыносимой лёгкости бытия. Хотя ортодоксы всех мастей по-прежнему убеждены, что воспитание ребёнка и есть способ взвалить на его хрупкие плечи бремя исторического прошлого.

... Небольшой шаг в сторону

Подобные ортодоксы есть и у нас, на самых высоких эшелонах власти. Они уверены, ребёнок идёт в школу, где его должны окончательно лишит детства, где должны взвалить на его хрупкие плечи «патриотизм», «национальные традиции» и пр., пр., понятия столь же массивные, тяжёлые, сколь и надчеловечные, бесчеловечные, способные, если не раздавить ребёнка, то зомбировать его настолько, чтобы когда по-

взрослеет, стал он послушным винтиком, лояльным ко всем, кто стоит выше него на иерархической лестнице власти, чтобы лишить его взбалмошности, спонтанности, строптивости, чтобы лишить его «невыносимой лёгкости бытия»...

Человеку всё труднее по-настоящему войти в соприкосновение со временем, которое течёт мимо него. Может быть, не хватает доверительности, а может быть, не хватает серьёзной внепланетарной угрозы.

Сколько не говори: род человеческий, планетарное сознание, озоновая дыра, демографический взрыв, экологическая катастрофа, он вздрогнет на мгновение, чтобы уже в следующее мгновение равнодушно пожать плечами. И пойти прочь.

Но, тем не менее, вопреки всему начинается время человека.

Начинается, после кровавых войн XX века, после осознания бессилия исторического времени собственного народа и всего человечества, после краха пафосных идеологий, фашистской, коммунистической, националистической.

Невольно задумаешься, то ли творение предполагало человека, замкнутого в себе самом, не способного посмотреть на себя со стороны, то ли человек вырывается из плана божественного творения, возникает человек как творение Прометея, человек как безумец, человек, который много больше чем просто человек.

Всё отчётливее и отчётливее видится, что если не во всей Галактике (об этом нам трудно судить), то на нашей плане-

те, только человек не равен самому себе, только человек не вмещается в свои определения.

Выясняется, что только человек способен противостоять времени, противостоять Силе, которая постоянно грозит подмять под себя человека.

Бог не делит народы на избранных и отсталых.

Но, хотим мы того или нет, многие народы не выдержали бремени исторического времени, не смогли подняться над ним, исчезли с лица земли.

Бог не делит людей на избранных и отсталых.

Но, хотим мы того или нет, кто-то встаёт вровень со временем, а кто-то прячется по углам. Кому-то хватает воли, дерзости, азарта жить, и он снова и снова отправляется за доблестью и славой, но уже не в войне против подобных себе, а в решимости само-стояния, которая казалась привилегией богов.

Возможно, такому человеку ещё придётся смирать и смирать свою гордыню, смирать свою заносчивость, различные проявления «хибриса», но, перед лицом экологических катастроф, со всем этим ему придётся научиться справляться.

Он больше не свернёт с пути, который начался ещё в античности, а может быть, ещё раньше, он будет продолжать освобождаться от «мы» в поисках «я», он ещё не научился справляться с вызовами от сознания «мы», как выяснилось, что придётся научиться с вызовами от сознания «я».

Дело не в индивидуализме, исторически оправданном, хо-

тя то же историческое время постепенно выявляет его красную черту, через которую опасно переступать, дело в решимости нового человека растворить в себе без остатка («растворить» не означает «искоренить») историческое прошлое и заветы предков, не подчиниться никакому авторитету, никакому внешнему бремени, не только для того, чтобы добиться само-стояния, но и чтобы выработать новую чувствительность, новую уязвимость ко всему живому и, как к его составной части, к себе самому.

Будущее за этим человеком, и язык не поворачивается назвать его сверхчеловеком, напротив, анти сверхчеловеком, как раз из-за своей новой чувствительности, новой уязвимости, новой ранимости, новой незащитности.

Только такой человек способен вырваться из оков времени, застрявшего в углу и превратившегося в подобие чёрной дыры, в которую засасывает все отрывки исторического времени. Распознать эту чёрную дыру не просто. Ведь ещё долго можно тешить себя коллективным прошлым и коллективным настоящим.

Ещё долго можно мельтешить, прятаться за миражами, убажывать себя мнимой деятельностью. Но следует вырваться или, что по существу то же самое, стать вечно становящимся человеком, имеющим мужество быть.

Чтобы окончательно не засосало в чёрную дыру.

Когда это станет возможным?

Сколько пассионариев духа для этого потребуется, чтобы

это стало новой исторической реальностью.

Удержимся от пророчеств...

2007 год.

АХИЛЛ И ДЖЕЙК: ЭССЕ ОБ УЯЗВИМОСТИ

Внуку Уджалу.

18 января 2019 года, говорил с Уджалом по скайпу, и в какой-то момент мы стали обсуждать слово, эпитет «уязвимость», понимая, что речь идёт не о беззащитности, не о беспомощности (хотя подобные смысловые оттенки существуют в этом слове, и они могут проявляться, проступать, каждый раз в зависимости от того, о ком и в каком контексте идёт речь), а об открытости к миру, о максимальной пластичности восприятия преходящего, как о новой онтологии человеческого существования. После этого разговора написал настоящее эссе.

А. МЕТОДОЛОГИЯ

... пределы и разрывы «хронологического времени»

Культура – создание человека, и как всё созданное человеком, или рождается в мифе или становится мифом.

Так устроена наша голова, мы не можем избежать интуиции предзаданности и предустановленности с одной стороны, порядка и смысла с другой стороны, причины и след-

ствия с третьей.

Хронологическое время – один из мифов культуры. У него есть исходное начало, движение во времени, причинно-следственный порядок.

Очень удобно, назовёшь век, назовёшь страну, как само по себе возникает множество смыслов, что тогда происходило, что ему предшествовало, что за ним последовало.

Мы отдаём себе отчёт, что один век может принципиально отличаться от другого, время внутри того или иного века может сгущаться настолько, что больше века длится день, а может замедляться настолько, что кажется ничего не происходит, время застряло в углу, там, где скапливается пыль.

Но, тем не менее, долгое время (века, тысячелетия) хронологическое время воспринималось как нерукотворное, оно соответствовало нашей интуиции порядка в мире, существующего помимо нашей воли, и, казалось, предопределено на все времена.

Но после XX века многое изменилось.

Век начался стремительно, «постоянная Планка» (1900), смерть королевы Виктории (январь 1901), и всё привычное стало разрушаться в прямом и переносном смысле. После кровавых мировых войн с одной стороны, достижений наук с другой, традиционное представление о порядке потеряло свои очертания, теория относительности открыла возможность деформации самого пространства и времени, теория деконструкции поставила под сомнение любую предустанов-

ленную структуру, квантовые психологи в своём радикализме призывают вообще отказаться от глагола «to be», традиционный гуманизм сменился постгуманизмом, и пришлось вновь задуматься над тем, а скроен ли мир по человеческой мерке.

Хронологическое время не передали в музей истории культуры, но оно стало выявлять свои пределы и свои разрывы. Представление о пространстве культуры стало довлеть над представлением о времени культуры, будто времена остановились, чтобы события культуры могли если не наскакивать друг на друга, то максимально приближаться и максимально удаляться друг от друга.

Говоря метафорически, Кроноса вновь свергли, и вновь завершился «золотой век», которого мы не заметили, ...

... всегда надеешься, что «золотой век» впереди, но каждый раз обнаруживаешь, что он остался позади.

... что означает «современность».

Практически любой литературный текст, который мы называем классическим, говорит нам о том, что происходило «там и тогда», и что могло происходить во все времена. Если время частица вечности, то текст – то ли их сопряжение, то ли их преодоление, то ли их забывание, то ли всё это вместе.

После всего того, что открылось в XX веке, после того, как физики открыли относительность времени, разъяснили, что масса способна сворачивать время, хронологическое время

предстало то ли как своеобразная культурная игра, то ли как декоративное обрамление тех или иных культурных событий и тех или иных артефактов культуры. Соответственно, то, что раньше воспринималось как происходящее во времени, предстало как ваяние времени, иначе говоря, как создание своего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.